

Цюй И собрался с духом и повысил голос:

— Хочешь расстаться с великим актёром Ян Хэсюем? Это проще простого. Первый способ — задеть его принципы, вызвать отвращение. Второй — стать свахой и свести его с Ли Шицзя. Первый вариант рискованный: если переусердствуешь, отвращение может перерасти в бойкот. Второй же абсолютно безопасен, просто тебе самому будет неприятно.

Цинь Цю получил этот анализ от Лю Сяохуа и, возвращаясь в Юаньцзин, размышлял над ним.

В итоге он решил выбрать рискованный первый вариант. В конце концов, лучше сыграть в опасную игру, чем терпеть внутренний дискомфорт.

Открыв дверь, Цинь Цю с удивлением обнаружил, что в доме горит приглушённый свет.

Закрыв дверь и сняв обувь, он вытянул шею, чтобы заглянуть в гостиную, но никого не увидел. Затем услышал звуки из кухни — похоже, Ян Хэсюй был там.

Приглушённый свет падал на его лицо, и, если бы включить лирическую музыку, можно было бы подумать, что они находятся в дорогом ресторане, наслаждаясь романтическим ужином при свечах.

Этот дом Ян Хэсюй купил для своей бывшей пассии, и интерьер был оформлен с особым вкусом. Светильники были встроены в стены, и можно было выбрать любой свет: приглушённый, яркий, цветной или белый.

Сейчас был установлен самый романтический свет, что говорило о хорошем настроении Ян Хэсюя. Он хотел устроить романтический вечер.

Цинь Цю поправил очки в золотой оправе и сжал губы. Его стройное тело начало реагировать, и в некоторых скрытых местах стало тепло.

Если Ян Хэсюй был в настроении для романтики, это означало, что у него было достаточно времени, чтобы устроить безумную ночь.

Кухня была открытого типа, выходящая прямо в гостиную. Диван из ткани стоял спиной к кухне, и Цинь Цю подошёл к нему, усевшись на край.

Его взгляд упал на стейк, красное вино и... красные розы на столе. Он усмехнулся и поднял глаза на Ян Хэсюя, который стоял в фартуке, выглядевший как идеальный домашний мужчина.

Ян Хэсюй смотрел на него с глубоким и сосредоточенным взглядом.

Цинь Цю вспомнил описание его глаз из одного журнала: «Когда он смотрит на тебя, даже если на тебя направлено дуло пистолета, ты не сможешь отвести взгляд».

Хотя этот журнал славился своими выдумками, это описание считалось «единственной правдой».

— Нравится? — спросил Ян Хэсюй.

Цинь Цю очнулся и понял, что Ян Хэсюй уже стоит перед ним.

Ян Хэсюй был как минимум на голову выше, с лицом, напоминающим европейского аристократа, и мощным телом, скрытым под домашней одеждой...

Цинь Цю взял красную розу, зажал её в зубах и приблизился к нему, почти касаясь губами. Он поднял уголок глаза, излучая соблазн:

— Киноварная родинка, не желая красной розы, дарит белую крупинку риса, что слишком холодно. Заботясь о внешнем виде, подари белую розу — это хоть покажет твою искренность.

Ян Хэсюй улыбнулся, его обаяние достигло уровня лисы-обольстительницы. Одной рукой он обнял Цинь Цю за талию, проникнув под рубашку, и его пальцы скользили по гладкой коже, как змея.

Другой рукой он ласкал его волосы, нежно касаясь лица, а его глаза смотрели с такой глубиной, будто видели перед собой возлюбленного из прошлых жизней.

— Почему ты сегодня говоришь такие глупости? Преданность и искренность возможны, только если ты — белый лунный свет в моём сердце, и только тогда я могу подарить тебе белую розу, верно?

Другими словами, ты никогда не был в моём сердце, так с чего ты взял, что можешь сравниться с киноварной родинкой?

Любовница достойна только красных роз, которые должны быть в мусорном ведре.

Цинь Цю хотел зловеще улыбнуться, но понял, что это будет выглядеть глупо. Поэтому он лишь слегка приподнял уголок губ, демонстрируя суть фальшивой улыбки:

— В последнее время занимаюсь йогой, и сейчас время для тренировки.

Одновременно он высвободил руку, которая уже скользнула в его промежность, и жестом показал, чтобы Ян Хэсюй отошёл.

— Йогой? Разве ты не преподаёшь боевые искусства?

— Конкуренция в отрасли высока, расширяю сферу деятельности.

— Йога в основном развивает гибкость, а твою гибкость я уже испытал. Для тебя освоить йогу — дело нескольких десятков минут. Давай сначала закончим наше дело, а потом у тебя будет время для тренировок.

— Нельзя. — Цинь Цю вырвался из его объятий. — Я тренирую ягоды. Это требует постоянства, нельзя расслабляться. Может, подождёшь?

Ян Хэсюй схватил его за руку и снова притянул к себе:

— Сколько времени это займёт?

Цинь Цю наклонил голову, задумавшись:

— Примерно час-два. — К тому времени, думал он, всё уже должно успокоиться.

Ян Хэсюй рассмеялся:

— Мне не удалось увидеть тебя, и ты хочешь, чтобы я наблюдал, как ты тренируешь ягоды?

Цинь Цю моргнул, делая вид, что не понимает:

— Может, найдёшь кого-то другого?

Ян Хэсюй мгновенно нахмурился, его лицо потемнело, и от него стало исходить ледяное, жестокое сияние.

Эта аура могла напугать кого угодно, но на Цинь Цю она не действовала.

В прошлой жизни, чтобы сбежать, он не раз злил троих мужчин, и самое страшное было, когда Ли Вэйфэн впадал в ярость, похожую на адского демона. Но он пережил это и остался жив.

До того как его заточили, он был смельчаком, который крутил романы с троими одновременно. После заточения он пробовал всё, кроме того, что угрожало жизни. Перед этими тремя мужчинами он вёл себя как избалованная наложница, которая могла позволить себе всё.

По обычаю Ян Хэсюй никогда не терпел, чтобы любовник раз за разом бросал ему вызов. Сегодня Цинь Цю, подстрекая Ли Шицзя, перешёл черту, которую он не мог простить. То, что он не выгнал его сразу, Цинь Цю объяснял четырьмя годами совместного сна.

Теперь он открыто ревновал, капризничал и отказывался от близости — что снова переходило границы допустимого.

Сейчас Цинь Цю ждал, когда Ян Хэсюй скажет «убирайся» или, если он будет вежливее, «расстаёмся». Тогда он, возможно, продемонстрировал бы давно утерянное мастерство школы Дуань.

Но Ян Хэсюй поступил неожиданно.

Он улыбнулся, как будто ничего не произошло, с выражением обожания:

— Тогда скажи, зачем тебе тренировать ягодицы? Если не дашь хорошего объяснения, сегодня я тебя не отпущу.

Цинь Цю внутри содрогнулся, крича «Сумасшедший! Помогите!», но внешне сохранял спокойствие:

— Хочешь знать?

— Хочу.

Цинь Цю внутренне усмехнулся, внешне улыбнулся соблазнительно и, скользя по сильной и длинной руке Ян Хэсюя, взял его красивую, с чёткими костяшками руку.

Он повёл её за спину, сначала положил на свою ягодицу:

— Тренирую ягодицы, чтобы они стали упругими. А упругие ягодицы нужны... чтобы было удобно хватать.

Ян Хэсюй с интересом поднял бровь:

— Да?

Цинь Цю повёл его руку ниже:

— Когда начинается страсть, если попа плоская, схватить нечего. Теряешь часть удовольствия.

А если попа упругая... — Он поднял руку, и господин любезно охватил обе половинки персика. Слегка сжал — мягкие и сочные. Господин одобрительно кивнул.

Объект домогательств, бедный любовник, с каменным лицом продолжал улыбаться:

— Когда страсть достигает пика, нет времени искать правильное место. Просто хватаешь — и это добавляет удовольствия.

Господин был крайне доволен. Глядя на любовника, он всё больше ощущал его покорность, и в его сердце разливалась нежность:

— Оказывается, ты стараешься ради нашего удовольствия. Я должен поддержать. Я буду рядом, чтобы контролировать твои тренировки.

Контролировать... тренировки?

Цинь Цю: «...»

Он уже заговорил похабно, разрушив образ чистой и скромной киноварной родинки. Почему его до сих пор не выгнали?

Ян Хэсюй смотрел на Цинь Цю с зелёными огоньками в глазах. Его волчья сущность полностью пробудилась.

Его не только не выгнали, но, кажется, разбудили какую-то скрытую извращённую натуру.

Приглушённая романтическая атмосфера, тяжёлое дыхание отзывалось в сердце. Соблазнительные капли пота стекали по обнажённой коже, затуманенные глаза, алые губы, змеино-гибкие конечности извивались и вытягивались.

Ян Хэсюй держал бокал с красным вином, спокойно наблюдая, но оказался соблазнён и возбуждён. Он не трогал его, позволяя желанию расти. Только его горло двигалось жадно, а глаза, как у хищного волка, пристально следили за соблазняющим его демоном.

Цинь Цю напряг ягодичные мышцы, внутренне скрежетал зубами: «Чёрт! Тело почти сгорает. В этой и прошлой жизни, за десятки лет я впервые ощутил, что значит быть объектом взгляда».

С тех пор как Ян Хэсюй произнёс слово «контроль», он с энтузиазмом подгонял Цинь Цю, игнорируя собственное возбуждение.

Цинь Цю, как загнанная утка, смущённо искал коврик для йоги, но в итоге делал упражнения на широком и мягком диване.

Авторское примечание: На самом деле это сладкая история, и у заключения, и у подлости есть свои причины. Кроме того, комментарии и лайки приветствуются!

<http://bllate.org/book/16385/1483246>